

Сергей Мелков

СЕКСУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сексуальность –
конструкт для
самоидентификации

Как отмечал М. Фуко, современная западная культура отводит сексуальности человека все более значимое место в качестве ценного конструкта для самоидентификации [1]. Действительно, каждый из нас идентифицирует себя со своим биологическим полом. Исключение – случаи транссексуальности. Многие из людей являются носителями гетеросексуальной идентичности, усвоенной в детстве – еще до пробуждения осознанного сексуального желания. Сегодня любой младший школьник ответит на вопрос «Кто такой «голубой»?» При этом, как правило, в осуждающе-насмешливом тоне – ведь дети с раннего возраста исключительно чувствительны к гендерным ролям: они часто высмеивают и дразнят тех, кто не проявляет ожидаемого гендерно дифференцированного поведения, зачастую в качестве словесного оружия используя ругательные эпитеты, применяющиеся к гомосексуалам [2]. Однако далеко не каждый ребенок знаком с термином «гетеросексуал», поскольку эта сексуальная идентичность воспринимается как данность и ребенку незачем задумываться об этом.

Сексуальное желание – растворитель усвоенной сексуальной идентичности

С наступлением подросткового возраста начинает пробуждаться сексуальное желание, которое может не совпадать с теми представлениями, которые уже сложились у личности о себе и о других. В этом случае под-

росток вынужден пересматривать и заново конструировать свою сексуальную идентичность [3]. Если основные его сексуальные импульсы совпадают со стереотипами, усвоенными в процессе социализации, то он находит в них уже осознанное подтверждение своей гетеросексуальности и, как правило, противопоставляет свою сексуальную идентичность, гомосексуальной. Если объектом сексуального влечения является человек того же пола, исподволь начинает формироваться гомосексуальная идентичность. У некоторых относительно быстро, а у других это весьма болезненный и крайне длительный процесс, который может и не завершиться на протяжении всей жизни (латентная гомосексуальность) [4]. Формирование сексуальной идентичности во многом зависит от отношения общества к гомосексуальности, которая в современной культуре является основанием для выделения гетеросексуальных и гомосексуальных групп. Первая согласно идеологии гетеросексизма считается единственно или наиболее приемлемой для каждого человека, тогда как вторая стигматизируется [5].

Переход от контроля действий к контролю влечения

Сексуальная категоризация по направленности объекта на тот или иной пол появилась в европейской культуре лишь в конце XIX века, причем сначала сформировалась гомосексуальная идентичность, а несколько позже и гетеросексуальная [6]. Если до XIX века однополая сексуальность трактовалась как «содомский грех», как запретные и сокрытые сексуальные действия (именно действия, которые потенциально могли быть совершены любым человеком), то затем она стала определяться как функция конкретно определяемой идентичности (то есть именно структура личности маркирует человека как гомосексуала, согласно его сексуальным позывам даже при отсутствии какого-либо генитального действия).

Сексуальная идентичность – ограничитель сексуального влечения

Такая модель восприятия сексуальности жестко фиксирует в самосознании определенный набор стереотипов в рамках гомосексуальной и гетеросексуальной идентичности. Эта модель определяет границы нормативного поведения и самовосприятия и отрицает наличие возможного сексуального влечения, присущего противоположной группе через противопоставление себя другим [7]. Причем, основным патологизирующим фактором теперь является не само гомосексуальное действие, а именно гомосексуальное желание, которое может не осознаваться или отрицаться в силу жестких рамок гетеросексуальной идентичности.

Гомосексуальное поведение в контексте гетеросексуальной идентичности

Это можно наблюдать в закрытых обществах при наличии половой сегрегации (учебные заведения интернатного типа, тюрьма, армия и пр.), где гомосексуальные акты, как правило, не подвергаются сомнению гетеросексуальную идентичность, а сексуальный интерес к лицам своего пола оправдывается внешними условиями или вообще не осознается благодаря механизмам вытеснения, проекции, рационализации и др. [8]. У ряда латиноамериканских народов однополый сексуальный акт среди мужчин в обычных социальных условиях при активной позиции считается допустимым и часто не резонирующим с гетеросексуальной идентичностью, тогда как только пассивная позиция в сексе маркируется как гомосексуальная и осуждаемая [9]. То же верно и для сформированной гомосексуальной идентичности, когда возможное сексуальное влечение к лицам противоположного пола может так же не осознаваться или отрицаться благодаря необходимости сохранения устойчивой идентичности с уже искусственно обозначенными границами собственной сексуальности.

Так зачем же нужна гомосексуальная идентичность ее носителям, которая формируется самостоятельно, а не принимается как данность в отличие от гетеросексуальной, учитывая те страдания и бремя, которое возлагает на себя личность, ее принявшая? Почему направленность сексуального влечения на тот или иной пол в современной культуре является серьезным критерием для самоидентификации, противопоставлению себя другим, особенностей социального взаимодействия, каким, например, не является цвет глаз или музыкальное предпочтение? Почему тематика однополый любви практически никого из людей не оставляет равнодушным и вызывает повышенный интерес, даже если он основан на огромном спектре негативных эмоций?

Самоидентификация через противопоставление

Б.Д. Адам указывал на то, что гомосексуальная идентичность является крайне устойчивой, поскольку нужна не столько самим ее носителям, сколько гетеросексуалам, чтобы определять себя от противоположного, ведь гетеросексуальность только до тех пор имеет смысл, пока его имеет гомосексуальность [10]. На основе эпистемологического анализа художественной литературы С.И. Кософски выдвинула предположение о том, что самые значимые амбивалентные значения в культуре маркированы исторической специфичностью гомо/гетеросексуального. То есть гетеросексуальная и гомосексуальная идентичности в современной культуре являются амбивалентными универсалиями, включающими

Сексуальная
стигматизация

в себя на уровне общественного сознания такие противопоставления, как хорошее/плохое, нормальное/патологическое, естественное/искусственное, большинство/меньшинство, маскулинное/феминное, публичное/приватное и пр. [11].

Как отмечал М. Фуко, данная сексуальная категоризация является мощным инструментом для оказывания политического давления, эксплуатации, репрессий и поиска «козлов отпущения», на которых можно свалить все проблемы [12], что в специальной литературе определяется как сексуальная стигматизация. Все это можно проследить в истории. В фашистской Германии мужчины-гомосексуалы подвергались геноциду, как и евреи, на их форме в концлагерях был нашит специальный опознавательный знак – розовый треугольник, который сейчас наряду с шестицветной радугой является международным символом сексуальных меньшинств. В СССР сталинские репрессии так же не обошли и мужчин-гомосексуалов, как и любую группу «инакомыслящих», однако с наступлением хрущевской оттепели 121-я статья об уголовном преследовании мужского однополого секса стала использоваться в основном для политических целей КГБ в качестве вербовки и контроля [13]. Эта проблема возникает и сегодня как в отечественной, так и в зарубежной политике, особенно в качестве предвыборного PR.

Влияние сексуальной
идентичности на
мужские гендерные
нормы

Наличие двух дихотомических сексуальных идентичностей актуально в нашей культуре и интенсивно ею культивируется, поскольку помогает сохранить все больше трещащую по швам под давлением эмансипации женщин идеологию сексизма и жесткую гендерную сегрегацию с ее стереотипами маскулинности и феминности [14]. Наличие гомосексуальной идентичности, особенно мужской, расширяет современные гендерные роли, что многих гетеросексуальных мужчин вынуждает все больше ограничивать репертуар своего поведения. Г. Вейнберг подчеркивал сильное влияние гомофобии на осуществление мужских гендерных норм. Многие мужчины отказываются обнимать и целовать друг друга, а женщины нет. Ожидается, что мужчины не должны выражать чувство нежности, особенно друг к другу, или тосковать по компании друг друга так открыто, как это делают женщины. Ожидается, что мужчины не будут видеть красоту в физических формах других мужчин и вообще могут позволить себе не следить за своим внешним видом, тогда как женщины могут открыто выражать восхищение другими женщина-

ми и должны стремиться быть сексуально привлекательными. Миллионы отцов чувствуют неловкость перед тем, чтобы нежно обнять или поцеловать своего сына, тогда как матери могут делать это со всеми своими детьми вне зависимости от их биологического пола [15]. Возможно, именно поэтому многие гетеросексуальные мужчины выражают агрессию по отношению к геям или избегают их общества, поскольку начинают ощущать себя в непривычной для них роли сексуального объекта исходя из своих ожиданий, даже если реально-го сексуального интереса к ним нет.

Гомофобия как утверждение «мужественности» и гетеросексуальности

Кроме того, обозначение мужской гомосексуальной идентичности для негативного отношения к ней часто является одним из наиболее простых способов утверждения собственной «мужественности» гетеросексуальными мужчинами [16]. В наиболее проблемных случаях это также может быть способом отрицания своих гомосексуальных чувств (часто самые ярые гомофобы на практике оказываются латентными гомосексуалами), не в силах принять свои чувства, они проецируют внутреннюю агрессию на других, путем больших усилий сохраняя стихийно усвоенную гетеросексуальную идентичность, которая не позволяет достичь целостности личности [17]. Большинство актов агрессии, направленных на гомосексуалов, совершается не индивидуально, а коллективно. Причем, многие из участников делают это не столько потому, что реально испытывают ненависть и хотят нанести физический или моральный ущерб гомосексуалу, сколько потому, чтобы быть принятыми другими членами гетеросексуальной группы и не вызвать подозрение относительно собственной сексуальной ориентации [18].

Гиперсоответствие или утрата гендерных норм – неэффективные стратегии преодоления сексуальной стигмы

Проблема отождествления гомосексуальности с негативными аспектами феминности так же отражается и на самих гомосексуалах, когда одной из стратегий противостояния стигматизации выступает гиперкомпенсация через гиперсоответствие гендерным нормам, заключенным в образе «мачо» [19], или же через напускную манерность, выражающуюся в самопародировании через вербальную экспрессию и поведение. В первом случае присутствует стремление доказать самому себе и другим свою «нормальность», во втором – протест против всего «гетеросексуального», поскольку оно остро переживается в качестве «чужого», «врага», грозящего разрушить собственную идентичность и неспособного к какому-либо компромиссному сосуществованию.

Интернализованная гомофобия

Эти стратегии поведения говорят о наличии высокой аутоагрессии из-за неприятия своей сексуальности (интернализированная гомофобия). Э. Хиллин отмечал, что именно интернализованная гомофобия, особенно при наличии длительной гиперкомпенсации, вероятнее всего приводит к патологическим зависимостям (алкоголь, наркотики и пр.), суициду, нанесению себе повреждений и плохой заботе о своем организме (включая плохое питание и отдых, отсутствие спортивных занятий, полноценных интимных отношений и пр.), нежеланию играть роль лидера, заниженным ожиданиям от себя самого и других лиц гомосексуальной группы, заниженным притязаниям и пр. [20].

Формирование гомосексуальной идентичности – условие принятия гомосексуального влечения в условиях его стигматизации

Тем не менее, хотя гомосексуальная идентичность несет в себе отпечаток стигмы и все вытекающие из этого неблагоприятные последствия для развития личности, не стоит полагать, что она в современных условиях не нужна ее носителям. Так или иначе, в основу современной сексуальной категоризации положена направленность сексуального влечения на тот или иной пол. Чтобы достичь целостности личности, необходимо принимать все ее особенности в самом себе, в том числе и сексуальное влечение. Принять гомосексуальное влечение, находясь в условиях его стигматизации, можно лишь через формирование гомосексуальной идентичности, которая позволяет приобрести различные стратегии преодоления стигмы. Это демонстрируют все современные модели формирования гомосексуальной идентичности, описывающие принятие себя и интеграцию изначально отвергаемых аспектов сексуальности в целостный образ «Я» [21].

Деформация личности при фиксации на сексуальности

Проблема в том, что далеко не все гомосексуалы достигают конечной интегративной стадии, фиксируясь на своей сексуальности, поскольку не могут найти в себе необходимых ресурсов для преодоления стигмы. Тогда они вынуждены вести двойную жизнь, нося несовместимый набор ролей и масок, или еще плотнее закрываться в «чулане» (гомосексуальном гетто), где тепло и уютно, где все свои, не замечая «золотую клетку» своей «голубой» утопии, которая не только во многом ограничивает социальное пространство и развитие личности, но и деформирует ее [22]. Таким образом, гомосексуальная идентичность необходима ее носителям для преодоления сексуальной стигмы и коллективной борьбы с ней. Как только из массового сознания исчезнет предубеждение относительно однополых сексуальности, исчезнет и гомосексуальная идентичность, которая

Гомосексуалы как квазиэтническая группа меньшинств

провоцируется этим предубеждением. Как пишет К. Витмен: «Мы будем геями, пока каждый не забудет, что это проблема. Тогда мы начнем быть целостными людьми» [23].

Все эти процессы хорошо заметны и в зарубежных психологических исследованиях гомосексуальности, большинство из которых делает акцент на социальной идентичности, определяя гомосексуалов, как квазиэтническую группу меньшинств, а гомофобию, как форму ксенофобии, что уже превращается в политику и способствует расширению гражданских прав гей-лесби сообщества [24]. Однако исследований, направленных на саму личность с гомосексуальным влечением, особенности переживания и преодоления сексуальной стигмы и пр., значительно меньше. Тем не менее одних гражданских прав вряд ли будет достаточно для выхода из ловушки «чулана» и полноценного развития личности. Кроме того, акцент на группе меньшинств лишь усиливает дихотомию гомо/гетеросексуального, превращая психологию в форму политического влияния.

Метросексуальность – преодоление ограничения гетеросексуальной идентичности

Закономерно, что гетеросексуальные мужчины все чаще осознают оковы своей сексуальной идентичности. Особенно ярко это наблюдается в крупных мегаполисах с их плюрализмом, терпимостью к «инаковости» другого и расширенным репертуаром ролевых моделей. Не желая больше терпеть ограничения гетеросексуальной идентичности, определяемой в противопоставлении с гомосексуальной, и не решаясь разделить гомосексуальную стигму, они вынуждены конструировать для себя другие идентичности. В крупных мегаполисах все больше мужчин определяют себя как метросексуалы. Слово «метросексуал» (metrosexual) образовано из metro(politan), что переводится, как относящийся к столице или большому городу, и sexual(ity) – сексуальность. Словарь общей лексики английского языка дает следующее определение термина: «метросексуал – противоположность «мачо», поклонник всего изящного, прекрасного, заботящийся о своей внешности, посещающий косметические салоны, следующий моде» [25]. Как видно из определения, реально ни о какой сексуальности здесь речь не идет, однако указаны те характеристики, которые в обыденном сознании ассоциируются с гомосексуальностью. Конструируя метросексуальную идентичность, гетеросексуальный мужчина может позволить себе отказаться от некоторых стереотипов маскулинности, открыто наслаждаться искусством, следить за своей внешностью, быть сентиментальным

Кризис сексуальной категоризации

и пр., при этом избегая внутреннего переживания сексуальной стигмы, хотя общество может быть к нему так же враждебно, как и к геям.

Все это говорит о глубоком кризисе сексуальной идентичности, построенной на дихотомии гомо/гетеросексуального, ее ущербности для развития личности любого человека вне зависимости от направленности его сексуального влечения на свой или противоположный пол. Тем не менее вряд ли метросексуальная идентичность станет устойчивой и постоянной для европейской культуры. Она, скорее, является компромиссным моментом или переходным этапом к отказу от сексуальной категоризации и нивелированию ее роли в формировании самосознания. Сексуальность уже не будет ценным конструктом для самоидентификации и восприятия других через призму направленности сексуального влечения на тот или иной пол.

Квир-теория: условность категоризации по полу, гендеру и сексуальности

Это согласуется с современной квир-теорией, акцентирующей текучесть и многогранность таких категорий, как «пол», «гендер» и «сексуальность», поскольку идентичности, построенные на этих категориях, во многом зависят от социальных репрезентаций, которые предшествуют, определяют, усложняют и разрушают их [26]. Таким образом, любая идентичность может изобретаться или переформулироваться ее носителем при осознании той категоризации, которая положена в ее основе социальными представлениями, и понимании, что проявление собственной индивидуальности может быть гораздо шире обозначенной идентичности.

«Квирнесс»-идентичность – осознанный отказ от сексуальной категоризации

«Квирнесс»-идентичность («инаковость») – сознательное избегание категоризации себя и других людей по принципу сексуальной категоризации, считая все сексуальности равнозначными и равноценными. Важно понимать ее отличие от бисексуальной идентичности, которая все равно акцентируется на сексуальной категоризации, пытаясь найти компромисс между противопоставлением гомосексуального и гетеросексуального, не только разделяя гомосексуальную стигму, но и часто неся в себе отчуждение гомосексуальной группой. Бисексуальность гетеросексуалами воспринимается, как угроза, поскольку предполагает гомосексуальные отношения и отождествляется с ними. В то же время она воспринимается как угроза и гомосексуалами, поскольку связана с сохранением привилегий и респектабельности, свойственной гетеросексуальности [27]. Таким образом, бисексуальная идентичность находится между «молотом и наковальней» двух амбивалентных идеоло-

гий, усиливая чувство отчужденности и раздробленности «Я».

Такое самоконструирование представлений о себе, как «квирнесс»-идентичность, позволяет принять различные аспекты «Я», обеспечивая максимальную возможность для самореализации личности и предоставляя ей свободу от негативных стереотипных оценок окружающих, вступающих в конфликт с притязаниями на признание.

1. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
2. Мондимер Ф.М. Гомосексуальность: Естественная история. Екатеринбург, 2002. С. 216–228.
3. Кон И.С. Сексология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004. С. 238–252.
4. Дэйвис Д. Работа с лицами, «обнаружившими» свою гомосексуальность // Розовая психотерапия: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами / Под ред. Д. Дэйвиса, Ч. Нила. СПб., 2001. С. 123–152.
5. Herek G.M. Beyond «Homophobia»: Thinking About Sexual Prejudice and Stigma in the Twenty-First Century // Sexuality Research & Social Policy: Journal of NSRC. 2004. Vol. 1, № 2. P. 6–24.
6. Мондимер Ф.М. Гомосексуальность: Естественная история. Екатеринбург, 2002, С. 14–137.
7. Мартель Б. Сексуальность, любовь и гештальт. СПб., 2006. С. 136–149.
8. Клейн Л.С. Другая любовь: природа человека и гомосексуальность. СПб., 2000. С. 527–638.
9. De la Vega E. Considerations for Reaching the Latino Population with Sexuality and HIV/AIDS Information and Education // SIECUS Report. 1990. № 18(3). P. 1–8.
10. Adam B.D. Theorizing homophobia // Sexualities. 1998. № 1. P. 387–404.
11. Кософски С.И. Эпистемология чулана. М., 2002.
12. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. М., 2005.
13. Кон И.С. Лики и маски однополрой любви. Лунный свет на заре. М., 2003. С. 253–258. С. 350–359.
14. Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2002. С. 34–38.
15. Weinberg G. Society and the healthy homosexual. New York, 1972. P. 6.

16. *Kimmel M.S.* Masculinity as homophobia: Fear, shame and silence in the construction of gender identity // *Toward a new psychology of gender* / Ed. by M.M. Gergen, S.N. Davis. N.-Y., 1997. P. 223–242.

17. *Wittman C.* Refugees from Amerika: A gay manifesto // *The homosexual dialectic* / Ed. by J.A. McCaffrey. Englewood Cliffs, NJ, 1972. P. 157–171.

18. *Franklin K.* Antigay behaviors among young adults: Prevalence, patterns and motivators in a noncriminal population // *Journal of Interpersonal Violence*. 2000. № 15. P. 339–362.

19. *Levine M.P.* Gay macho: The life and death of the homosexual clone. N.-Y., 1998.

20. *Дэйвис Д.* Гомофобия и гетеросексизм // *Розовая психотерапия: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами* / Под ред. Д. Дэйвиса, Ч. Нила. СПб., 2001. С. 114; 116–117.

21. *Cass V.* Sexual orientation Identity Formation. A Western Phenomenon // *Textbook of homosexuality and Mental health.* / Ed. by Cabaj R., Stein T. Washington, 1996. P. 227–251.

22. *Кософски С.И.* Эпистемология чулана. М., 2002. С. 75–99.

23. *Wittman C.* Refugees from Amerika: A gay manifesto // *The homosexual dialectic* / Ed. by J.A. McCaffrey. Englewood Cliffs, NJ, 1972. P. 159.

24. *Epstein S.* Gay and lesbian movements in the United States: Dilemmas of identity, diversity, and political strategy // *The global emergence of gay and lesbian politics: National imprints of a worldwide movement* / Ed. by B.D. Adam, J.W. Duyvendak, A. Krouwel. Philadelphia, 1999. P. 30–90.

25. *Англо-русский словарь общей лексики (The Universal English-Russian Dictionary).* 2004. <http://lingvo.yandex.ru>

26. *Кон И.С.* Лики и маски однополрой любви. Лунный свет на заре. М., 2003. С. 253–258. С. 100–104.

27. *Дэйвис Д., Нил Ч.* Введение // *Розовая психотерапия: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами* / Под ред. Д. Дэйвиса, Ч. Нила. СПб., 2001. С. 32–34.

